

УДК 82-312.7+82-3-055.2+929Салтыков-Щедрин+929Крестовская

**«МЕЛОЧИ» ЖЕНСКОЙ ЖИЗНИ
(ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ДИАЛОГ М. Е. САЛТЫКОВА-ЩЕДРИНА
И М. В. КРЕСТОВСКОЙ)**

Н. И. Павлова

Тверской государственной технической университет,
кафедра русского языка

Статья посвящена сравнительному анализу рассказа М. Е. Салтыкова-Щедрина «Полковницкая дочь» и повести М. В. Крестовской «Вне жизни», в которых художественно репрезентирован один из популярных в истории русской литературы XIX в. тип героини-институтки.

Ключевые слова: *художественный диалог, институтка, литературный тип, женская литература*

Пожалуй, основным завоеванием феминистских и гендерных исследований в области литературы стало доказательство того, что на творческое самосознание автора оказывают влияние различия, заданные полом (в том числе как социокультурным конструктом). Изучение женских литературных текстов прошлого убеждает в их диалогичности по отношению к текстам авторов-мужчин, что выражалось, прежде всего, в сопротивлении писательниц традиционным моделям женственности, тиражируемым в литературе. Сосредотачиваясь на художественном изображении женской идентичности, писательницы иначе интерпретировали многие устойчивые для литературы темы, мотивы, сюжеты [4]. Поводом к размышлению для нас послужили два текста, временная и сюжетно-тематическая соотнесённость которых позволяет рассматривать их в рамках именно такого диалога между женским и мужским авторами.

Речь идёт о рассказе М. Е. Салтыкова-Щедрина «Полковницкая дочь», вошедшем в поздний цикл «Мелочи жизни» [6], и повести одной из популярных писательниц конца XIX – начала XX вв. М. В. Крестовской «Вне жизни» [2].

Авторы обоих произведений обращаются к изображению оригинального культурно-исторического типа – выпускницы института благородных девиц, или «институтки», не раз становившегося объектом внимания литераторов [1]. Художественная репрезентация этого женского типа и становится поводом для своеобразной литературной полемики. Есть основания полагать, что своей повестью Крестовская откликается на представленный Салтыковым образ институтки – Лидочки Варнавинцевой, основными чертами которой являются «ребяческий ум» [6, с. 198] и полное отсутствие саморефлексии. Оставшаяся сиротой после смерти отца Лидочку отдают на воспитание в институт, в стенах которого и проходит вся дальнейшая жизнь героини, предопределённая обстоятельствами. Она живёт, исполняя чью-то волю: волю отца-дворянина, «последнюю мыслью которого было поручить дочь государю» [6,

с. 196], волю бога, которому, как рассуждает Лидочка, «известно, как лучше с нами поступить» [6, с. 200]. Позиция безоговорочного приятия уготованной жизненной роли отчётливо просматривается в финальной реплике – ответе героини на вопрос «Довольны вы?», когда та совершенно искренне отвечает: «И даже очень <...> вспомните, ведь я сирота, и институт дал мне приют... Разве я этого не понимаю?» [6, с. 208]. Лидочка представлена заурядной, лишённой самостоятельности в своих суждениях барышней, которая к финалу рассказа превращается в 40-летнюю классную даму. Перспективу судьбы героини автор задаёт уже в начале рассказа, говоря о том, что Лидочка «скорее всего останется принадлежностью института, сначала в качестве воспитанницы, потом в качестве пепиньерки и, наконец, в качестве классной дамы» [6, с. 198]. Салтыков деперсонифицирует свою героиню, очерчивая достаточно типичную канву жизни таких воспитанниц, как сирота Лидочка: «Бедность и сиротство Лидочки, её характер, скромный и общительный, неблестящие способности, при чрезвычайном прилежании, некрасивая внешность – всё это сразу определяло её институтское будущее» [6, с. 198]. Авторский замысел, реализованный в жанре рассказа, обусловил типизацию и деперсонификацию женского персонажа. Образ институтки в рассказе подчёркнуто ходульный и безжизненный.

Безусловно, следует учитывать, что рассказ входит в художественно-публицистический цикл «Мелочи жизни» [6], который принято считать одним из самых пессимистических произведений писателя. Понятие *мелочи* становится нравственно-философским центром, поскольку именно оно наиболее ёмко и полно, по мысли автора, характеризует современную эпоху, когда в обществе особенно остро ощущалось отсутствие жизненных целей и ориентиров, а как следствие этого – погружённость в обыденность и, по выражению самого Салтыкова, «страх завтрашнего дня» [6, с. 16]. «Ах, эти мелочи! Как чесоточный зудень, впиваются они в организм человека, и точат, и жгут его <...> Сколько каждый индивидуум ухитряется придумать лично для себя всяких стеснений! И всему этому, и пришедшему извне, и придуманному ради удовлетворения личной мнительности, он обязывается послужить, то есть отдать всю свою жизнь. Нет места для работы здоровой мысли, нет свободной минуты для плодотворного труда!» [6, с. 16]. В контексте приведённых рассуждений автоматизм и бездумность существования Лидочки, её зависимость от обстоятельств выглядят вполне логично.

По сути, Салтыков избирает стандартную жизненную ситуацию, доводя её до определённой степени социального обобщения. Между тем образ институтки практически с момента своего возникновения, т.е. с конца XVIII и вплоть до начала XX в., подвергался мифологизации. В разные периоды развития литературы образ воспитанниц институтов практически всегда конструировался по определённой модели, в пределах однажды заданного набора стереотипных черт, варьирующегося от милой очаровательности и экзальтированной непосредственности до глупости, личностной незрелости и жизненной неприспособленности. Появление отрицательных черт в образе институтки, по мнению А. Ф. Белоусова, было связано с возросшей в середине XIX в. критикой женских учебных заведений подобного типа [1, с. 86–90]. Не останавливаясь специально на этом вопросе, замечу, что рассказ Салтыкова можно назвать

оригинальным на общем литературном фоне, поскольку автор развивает нетипичный сюжет об институтке, навсегда связавшей свою жизнь с альма-матер.

Иную трактовку образа институтки мы можем наблюдать у Крестовской, которая создаёт своеобразный текст-ответ Салтыкову – повесть «Вне жизни» [2]. Прямых доказательств этого не существует, однако сюжетные параллели и переклички между произведениями Крестовской и Салтыкова дают основания предполагать, что текст писательницы внутренне диалогичен. Более того, обращает на себя внимание хронологическая близость этих двух произведений: повесть Крестовской была опубликована шестью месяцами позже выхода рассказа Салтыкова.

В отличие от Салтыкова, Крестовская намеренно создаёт психологически сложную ситуацию, внешне сохраняя сюжетную канву «превращения» юной институтки в старую деву-инспектрису. Писательница избирает жанр повести, что позволяет ей персонифицировать героиню, создав принципиально иной масштаб изображения женской жизни. Как и героиня Салтыкова, Женечка Лидова (хочу обратить внимание на корреляцию имён персонажей) становится заложницей институтской жизни по родительской воле. Рано овдовевшая мать девочки поступает на должность учительницы в женский институт, преследуя единственную цель – «выбраться из нищеты и дать дочери образование» [2, № 8, с. 547].

Интересно отметить, что тот же сюжетный ход, когда ограниченная в средствах мать из любви к дочери и желания для неё лучшего будущего отдаёт дочь в пансион, поступая туда классной дамой, мы можем наблюдать в романе Анастасии Марченко «Тернистый путь» (1849) [5, с. 126–130]. Однако благородство и самопожертвование матери оборачивается для героини всецелой зависимостью от неё. После выпускного бала жизненное пространство Женечки навсегда ограничилось высоким институтским забором, а её жизнь превратилась в непрестанное ожидание перемен. С этого момента в параллельном развитии судеб двух героинь резче проявляется тот ряд отличий, который позволяет судить о разнице мужской и женской интерпретации общего социально-психологического явления. Линия материнско-дочерних отношений, введённая в текст повести Крестовской, становится средством психологизации женского персонажа. Актуализируя в повести проблему сильной взаимозависимости между матерью и дочерью, писательница совершенно иначе, чем Салтыков, объясняет выбор героини. По сути, героиня Крестовской становится жертвой материнского эгоизма. Привыкшая к размеренной институтской жизни мать не желает отпустить от себя дочь, всячески внушая ей страх перед самостоятельной жизнью. В свою очередь, «привычка к материнскому авторитету» [2, № 9, с. 207] побуждала дочь слепо верить в правоту матери. Поэтому, если Лидочка Варнавинцева как внешне, так и внутренне безропотно погружается в «институтскую мглу» [6, с. 206], то героиня Крестовской находится в смятении, в состоянии постоянного внутреннего сопротивления происходящему. «Ей хотелось чего-то совсем иного, чего она сама не умела понять, и желание это наполняло ей всю грудь какою-то неопределённой тоской и радостью» [2, № 8, с. 584]. Немаловажной представляется и такая подробность, как привлекательная внешность героини Крестовской, которой, в отличие от Ли-

дочки, «природа дала ей красоту» [2, № 9, с. 207]. Таким образом, писательница как будто опровергает расхожее мнение о том, что некрасивая внешность была для женщины залогом пожизненной связи с воспитавшим её институтом.

О том, что писательница спорит с щедринской трактовкой женского образа, свидетельствует и ряд других переключек. Так, героиня Салтыкова представлена свободной от проблесков любовного чувства, ей вообще отказано в проявлении естественных человеческих желаний: «Некоторые из товаров пытались даже расшевелить её. Давали читать романы, рассказывали соблазнительные истории; но никакой соблазн не проникал сквозь кирасу, покрывавшую её грудь» [6, с. 204]. Сходное «испытание любовью» намечено и в повести Крестовской. Когда Женечку, уже ставшую классной дамой, приезжает навещать бывшая институтская подруга и пытается вызвать её на душевные разговоры о любви, то героиней владеют противоречивые чувства. «Нет, ей не от чего краснеть, не в чем признаваться. Она никогда не влюблялась, у неё не было времени для этих пустяков», – проговаривает она про себя [2, № 9; с. 202]. Но в то же время Шурочка, казавшаяся Женечке «такою безнравственной и падшею» [2, № 9, с. 204], пробуждает в ней зависть и «какое-то злобное наслаждение доказать свою нравственную чистоту» [2, № 9, с. 204]. Можно привести и ряд других параллелей, противоположным образом характеризующих героинь этих двух произведений. Так, чтение совершенно не будоражит салтыковскую Лидочку, хотя из воспоминаний институток известно, какое значение для них имела книга. Героине Крестовской, напротив, романы «давали больше пищи и простора для воображения и фантазии» [2, № 8, с. 551], а поездка в оперу пробуждала в ней «инстинктивную потребность в любви» [2, № 8, с. 573]. Героиня Салтыкова «никогда <...> не думала о выходе в замужество, никогда. Даже мимолётом не залетала эта мысль в её голову, словно этот важнейший шаг женской жизни вовсе не касался её» [1, с. 206]. Такая характеристика женского персонажа выглядит, мягко говоря, противоестественно, равно как и то, что в Лидочке отсутствует всякая зависть к подругам, успешно устраивавшим свою жизнь.

Крестовская представляет героиню совершенно противоположным образом. Писательница приводит её к осознанию жизненного краха именно из-за отсутствия полноценной семьи, а главное – детей: «Она инстинктом сознавала своё призвание быть матерью, а судьба, зло смеясь, навсегда лишила её этого счастья...» [2, № 9, с. 211]. Причём осознание своей женской несостоятельности переживается героиней глубоко и мучительно, буквально на физическом уровне. После очередной встречи с подругой Шурой, у которой уже подрастали дети, она «почувствовала какое-то странное утомление, и нравственное, и физическое, и ту лёгкую ломоту во всех членах, которая бывает после только что перенесенной сильной болезни или нервного припадка» [2, № 9, с. 205]. Если превращение Лидочки Варнавинцевой в классную даму происходит плавно и без всяких трений, под девизом «для меня остаются только стены института» [6, с. 199], то вся жизнь Женечки Лидовой после осознания личной драмы становится компенсацией её женской несостоятельности. Понимая, что, прожив почти 30 лет в институте, уходит уже поздно, она решает во что бы то ни стало получить место инспектрисы. И неудача в осуществлении задуманно-

го окончательно изменяет психологический облик героини. Из заботливой любимицы детей она превращается в сухую и злобную старую деву. Ей «нравилась и тот страх, который внушала она, и та лесть, которую все расточали перед ней» [2, № 9, с. 213]. Таким образом, писательница показывает психологическую трансформацию героини.

Расхождение авторской позиции Салтыкова и Крестовской обусловлено разным восприятием изображаемых реалий. Двойственность и неудовлетворённость героини Крестовской явно противостоит неправдоподобной внутренней гармонии салтыковского персонажа. Писательница, в прошлом сама воспитанница Смольного института, как будто возражает против такой схематичной подачи женского образа. Если Салтыков во главу угла ставит общечеловеческие проблемы, то Крестовская проблематизирует реалии сообразно изображаемому социально-психологическому типу. Поэтому в рассказе Салтыкова жизнь героини показана как драма «мелочности» бытия, в повести же Крестовской подобная женская судьба мыслится прежде всего как *трагедия женской жизни*. Показателен в этом отношении и тот смысл, который рождает своеобразная игра названий цикла Салтыкова – «Мелочи жизни» – и повести Крестовской – «Вне жизни». Вместе с тем, при явной противоположности авторских позиций Салтыкова и Крестовской, можно видеть некие черты сходства во взгляде на изображаемое социальное явление. В частности, как и Салтыков, Крестовская осуждает несамостоятельность и бездействие своей героини, её подчинённость общему течению жизни, тому окружению, включая мать, которое она впоследствии обвиняет. Можно говорить и о критическом взгляде обоих авторов на быт и нравы закрытых учебных заведений. Так, Салтыков в своём рассказе иронизирует по поводу аффектированности институток, особенностей их поведения и речи. В повести Крестовской мать героини «что-то безотчётно страшило и отталкивало <...> от <...> института, который сама золовка её называла “рассадником лицемерия и интриг”» [2, № 8, с. 547]; Шурочка называет институт «зверинцем» и, беспокоясь за будущее подруги, говорит, что её «заквасят» [2, № 8, с. 571]. Однако, делая объектом изображения институтку, писательница показывает то, что таилось за личиной внешней холодности и высокомерия женщин из институтской среды, ту ломку, которая происходила в душе женщин, прежде чем они становились бесстрастными на вид классными дамами.

В заключение, наверное, стоит задуматься о том, что правда и что вымысел в социокультурной репрезентации женщин, окончивших институты, и тех, которые навсегда связали с ними свою жизнь? Безусловно, в данном случае могут прийти на помощь автобиографические тексты и отчасти пролить свет на быт и уклад жизни в этих учебных заведениях. В общем-то, многие мемуаристки и преследовали эту цель, публикуя свои воспоминания. Так, А. Н. Энгельгарт в «Очерках институтской жизни» пишет: «Удивляло меня всегда, какое странное и неверное представление имеют в обществе об институте былого времени, приписываю его незнакомству с тем, что происходило в его стенах.

Действительно, подробного и обстоятельного описания его быта не появлялось в литературе» [7, с. 211]. Но и личности женщин, составлявших контингент этих заведений, во многом остаются загадочными даже для тех, кто находился в непосредственном контакте с ними. По этому поводу хотелось бы привести фрагмент размышлений одной из выпускниц института Т. Г. Морозовой: «История сняла проблему классных дам в институте благородных девиц. Но, чтобы быть справедливыми в суждениях, не следует ли подумать о том, как формировался контингент классных дам. Как они пришли к этой роли, как “дошли до жизни такой”? Почему они были обречены на безбрачие? На одинокую жизнь в стенах института? Чем заполнялась их жизнь, кроме суточного дежурства около молодых озорниц?» [3, с. 406]. Интересно, что далее мемуаристка упоминает повесть Крестовской «Вне жизни» как одно из редких произведений на эту тему.

Список литературы

1. Белоусов, А. Ф. Институтка в русской литературе [Текст] / А. Ф. Белоусов // Тыняновский сборник: Четвёртые Тыняновские чтения. – Рига : Зинатне, 1990. – С. 77–99.
2. Крестовская, М. Вне жизни [Текст] / М. Крестовская // Русский вестник. – 1887. – № 8. – С. 545–593. – № 9. – С. 171–221.
3. Морозова, Т. Г. В институте благородных девиц [Текст] / Т. Г. Морозова // Институтки: Воспоминания воспитанниц институтов благородных девиц ; сост., подгот. текстов и коммент. В. М. Боковой и Л. Г. Сахаровой ; вступ. ст. А. Ф. Белоусова. – 4-е изд. – М. : Новое литературное обозрение, 2008. – С. 389–507.
4. Русская литература XIX века в гендерном измерении: Опыт коллективного исследования [Текст] : сб. ст. ; ред. Е. Н. Строганова. – Тверь : Лилия Принт, 2004. – 162 с.
5. Савкина, И. Провинциалки русской литературы (женская проза 30–40-х годов XIX века) [Текст] / И. Савкина. – Wilhelmshorst : Verlag F. K. Göpfert, 1998. – 223 с.
6. Салтыков-Щедрин, М. Е. Мелочи жизни [Текст] / М. Е. Салтыков-Щедрин // Собрание сочинений : в 20 т. / М. Е. Салтыков-Щедрин ; редкол.: С. А. Макашин (гл. ред.) [и др.]. – М. : АН СССР, 1974. – Т. 16. – Кн. 2. – С. 7–327.
7. Энгельгардт, А. Н. Очерки институтской жизни [Текст] / А. Н. Энгельгардт // Институтки: Воспоминания воспитанниц институтов благородных девиц ; сост., подгот. текстов и коммент. В. М. Боковой и Л. Г. Сахаровой; вступ. ст. А. Ф. Белоусова. – 4-е изд. – М. : Новое литературное обозрение, 2008. – С. 127–215.

**“TRIFLES” OF WOMEN'S LIFE (ARTISTIC DIALOGUE BETWEEN
M. E. SALTYKOV-SHCHEDRIN AND M. V. KRESTOVSKAYA)**

N. I. Pavlova

Tver State Technical University
Russian language department

The article is devoted to a comparative analysis of the story of M. E. Saltykov-Shchedrin “Polkovnitskaya daughter” and the novel of M. V. Krestovskaya “Beyond Life”, which artistically represent one of the most popular in the history of Russian literature of the XIX century type of heroine such as prostitute.

Keywords: *artistic dialogue, schoolgirl, a literary type, women's literature*

Об авторах:

ПАВЛОВА Надежда Ивановна – доцент кафедры русского языка Тверского государственного технического университета, e-mail: nadija_80@mail.ru, 170026, г. Тверь, наб. Афанасия Никитина, 22.